

Среди трех государств, образовавшихся после распада династии Чжоу, многие до сих пор надеются, что потомки Чжоу объединят Центральные равнины. Династия Чжоу уже потеряла своих наследников, а наложница Жун была последней принцессой Чжоу, которую император Чу поспешил взять в свой дворец. Среди нынешних потомков Чжоу в различных королевствах, князь Цзинчэн занимает самое высокое положение и имеет самую чистую кровь. Если в разгар борьбы за трон он сможет получить поддержку клана Лэ с острова Пэнлай, последних верных слуг Чжоу за пределами Китая, то его право на престол будет неоспоримым. Это не только даст ему шанс занять трон Чу, но и позволит законно претендовать на статус гегемона Центральных равнин.

Лэ Юй чувствовал себя крайне раздраженным. Он понимал, почему Гу Хуань и Гу Сань хотели втянуть его в эту игру, но он действительно не хотел вмешиваться в борьбу за трон Чу. Остров Пэнлай всегда был тихим убежищем за пределами политики различных государств. Каждый правитель острова делал все возможное, чтобы сохранить независимость Пэнлая, заботясь о тех, кто разочаровался в политике и нашел прибежище на острове, чтобы они не были поглощены бурями, поднятыми государствами. Но он, как правитель острова, не мог сравниться с матерью, дедом или любым из своих предков, которые восседали в Зале Цзинни.

Лэ Юй сказал:

— Я действительно понимаю, что все имеет свои причины. Если бы я не приехал в Цзиньцзин, я бы не оказался в такой ситуации. Если бы я не посадил любовного гу, мне бы не пришлось ехать в Цзиньцзин. Если бы я не встретил Гу Саня, мне бы не пришлось искать любовного гу. Если бы Гу Хуань не была от природы слабой, я бы не покинул остров и не встретил Гу Саня. В конце концов, все сводится к тому, что если бы мать не привезла на остров эту пару — сестру и брата, и я бы с ними не встретился, то ничего бы этого не произошло.

Инь Усяо моргнул:

— Ты что... обвиняешь свою мать?

Лэ Юй ответил:

— Как я могу? Но если подумать, если бы я не встретил эту пару, то всех этих проблем бы не было. Но если бы я их не встретил, разве у меня не было бы одной детской подруги, одного друга детства и Гу Саня, этого так называемого «близкого друга»? Если бы мне пришлось променять их на отсутствие проблем, я бы предпочел, чтобы все эти проблемы нашли меня.

Инь Усяо, поправив подол, поднялся с бамбуковой корзиной и, глядя на него, с легкой иронией сказал:

— Вы действительно умеете находить выход из ситуации.

Лэ Юй не обиделся:

— Если бы я не был таким, я бы не встретил вас, доктор Инь.

Инь Усяо почувствовал легкий озноб и задумчиво сказал:

— Вы даже на то, что вас подставили близкие, смотрите спокойно, но я еще не спрашивал, что для вас самое важное? Боевые искусства?

Лэ Юй ответил:

— Не совсем. Даже если боевые искусства на высшем уровне, это всего лишь средство сохранить то, что я действительно хочу сохранить.

Инь Усяо сказал:

— А что вы действительно цените?

Лэ Юй рассмеялся.

— Я хочу, чтобы в моей жизни были цветы, вино, меч, быстрый конь и красавица, чтобы я мог путешествовать среди гор и рек. Лучше всего, если у меня будет много друзей — любителей чая, шахмат, вина и застолий, а также несколько близких друзей, которые время от времени будут создавать мне проблемы, и несколько соперников, с которыми я не смогу определиться, кто сильнее. Я больше всего ценю возможность жить свободно.

Инь Усяо на мгновение задумался, а затем тихо улыбнулся:

— Попад в Цзиньцин, вы все еще надеетесь на такую свободную жизнь?

Лэ Юй ответил:

— Свобода в сердце, а не в теле.

Легко парировав, Инь Усяо не стал спорить о том, как можно быть свободным в сердце, если тело несвободно, и сменил тему:

— Вы никогда не думали, что я, изгнанный ученик наставника Северной Хань, тоже могу вас подставить?

Лэ Юй, сидя на земле, посмотрел на него снизу вверх и сказал:

— Идите мыть свои бамбуковые побеги. Кто бы ни хотел меня подставить, сначала я должен добровольно позволить это сделать.

Лэ Юй сидел в бамбуковом лесу, ожидая, пока Инь Усяо приготовит суп. Однако не прошло и времени на чашку чая, как Инь Усяо подошел и протянул ему книгу. Лэ Юй спросил:

— А где суп?

Инь Усяо, держа зонт, невинно ответил:

— Еще на огне. Сначала посмотрите это.

В это же время в Павильоне Весеннего Дождя в Лянчэне, в кабинете, где благовония из курильницы Бошань витали в воздухе, Гу Сань тоже мягко положил на стол свежий выпуск «Ежемесячных вестей Пэнлая».

— Этот Гу Синьчи действительно оправдывает свою репутацию. Раньше я еще сомневался, надеясь увидеть, как он будет мучиться с «Лин Юанем», но он сумел свалить всю вину на меня.

Гу Сань размышлял, но не мог не принять этот удар.

На странице «Ежемесячных вестей Пэнлая» была изображена ночь на реке, холодные железные цепи, два корабля друг напротив друга, с подписью: «Одинокая звезда на небе, плывущее облако за морем». Одинокая звезда, конечно, указывала на звезду «Яогуан», а плывущее облако за морем, как думал Гу Сань, могло быть только тем, что сейчас нависло над Цзиньцзином.

У Павильона Пэнлай была традиция не записывать действия своих членов в мире боевых искусств. Например, о различных деяниях госпожи Сяньюй «Ежемесячные вести Пэнлая» должны были знать лучше всего. Исследователи истории боевых искусств знали, что «Ежемесячные вести Пэнлая» были наиболее достоверным и точным источником, с редкими ошибками. Но более двадцати лет назад «Ежемесячные вести Пэнлая» не упомянули ни слова о предыдущем правителе острова, госпоже Сяньюй. Любители, желающие узнать о ней, могли только листать смутные записи в «Хрониках боевых искусств» и «Рассказах Чэнчжая». За двести лет в клане Лэ с острова Пэнлай было более десятка мастеров, достигших уровня гроссмейстера, но в мире боевых искусств они оставались загадкой. Клан Лэ, обладая уникальными боевыми искусствами и контролируя торговые пути между заморскими землями и Центральными равнинами, был невероятно богат, поэтому от правителей государств до различных школ все относились к Пэнлаю с уважением и страхом.

Втянуть Лэ Юя в спасение князя Цзинчэна от Принцессы Яогуан было планом Гу Саня, ради которого он отдал на три месяца отделение Павильона Весеннего Дождя в Цзиньцзине. Хотя это была не убыточная сделка, для Гу Саня она была недостаточно прибыльной. Он хотел увидеть, как Пэнлай попадет в ловушку, как Гу Синьчи, сохраняя достоверность «Ежемесячных

вестей Пэнлая», запишет о «Лин Юане», который внезапно появился, чтобы одним ударом меча остановить Принцессу Яогуан на реке Цзялинцзян и заставить ее поклясться никогда больше не пересекать реку на юге, и как он заставит мир боевых искусств поверить в это.

Но Гу Синьчи, повернув перо, сделал легкий, но мощный ход, написав о «Лин Юане» всего одну фразу: «Близкий друг хозяина Павильона Весеннего Дождя».

Теперь все, кто сомневался в «Лин Юане», должны были обратиться к Павильону Весеннего Дождя!

Гу Сань был застигнут врасплох и был вынужден принять этот неудачный удар. Ведь два самых известных человека Пэнлая договорились обмануть его! Тэнъи подала ему несколько визитных карточек и холодно сказала:

— С тех пор, как вышел новый выпуск «Ежемесячных вестей Пэнлая», прошло всего полдня, и уже три анонимных запроса о том, кто такой «Лин Юань», и еще два, без анонимности, прямо от Северной Хань и Восточного У. Как вы собираетесь отвечать?

Гу Сань с сожалением погладил нефритовый подвес на поясе и сказал:

— Только... эх, не нужно указывать цены, просто повесьте табличку, что этот вопрос стоит десять тысяч золотых.

Тэнъи сомневалась:

— Господин, если так поступить, люди в мире боевых искусств могут подумать, что вы намеренно создаете тайну.

— Но что мне еще делать? — вздохнул Гу Сань. — Я не могу просто сказать, что «Лин Юань» — это правитель Пэнлая. Лэ Юй считает, что он проиграл, а я считаю, что проиграл я. Но, — он улыбнулся, и его брови стали похожи на далекие горы, — если мы сможем получить поддержку Пэнлая для князя Цзинчэна, то моя «десять тысяч золотых» будут не напрасны.

Тэнъи, замороженная его спокойствием, широко открыла глаза:

— Значит, вы считаете, что князь Цзинчэн сможет заручиться поддержкой правителя Пэнлая?

Гу Сань нежно и терпеливо посмотрел ей в глаза и сказал:

— Не обязательно, что он присоединится. Если князь Цзинчэн достаточно умен, он найдет слабое место Лэ Юя. Более того, даже если он не умен, супруга наследного принца хорошо знает Лэ Юя и обязательно будет помогать князю Цзинчэну, чтобы завоевать Пэнлай. Мы

просто посмотрим. Лэ Юй думает, что он может остаться в стороне, но, по-моему, с того момента, как он начал общаться с князем Цзинчэном, он уже попал в эту ловушку, и ему не выбраться, не потеряв часть себя.

Тэнъи внимательно слушала его слова, не произнося ни звука, ее глаза были ясны, как осенняя вода, а на тонких мочках ушей сверкали жемчужины, словно отражение света на воде. Гу Сань, почувствовав движение в сердце, отпустил визитные карточки и мягко взял ее руку. Она посмотрела вниз и не стала сопротивляться.

В этом мире он мог быть искренним только с ней. Гу Сань несколько раз обдумал ситуацию, но не чувствовал вины перед Лэ Юем. Если он не сможет обмануть Лэ Юя, то его побег будет заслугой Лэ Юя. Если он обманет Лэ Юя и обеспечит князя Цзинчэна сильным союзником, то это будет добровольным выбором Лэ Юя, который сам попал в сети мира.

<http://bllate.org/book/15272/1348061>